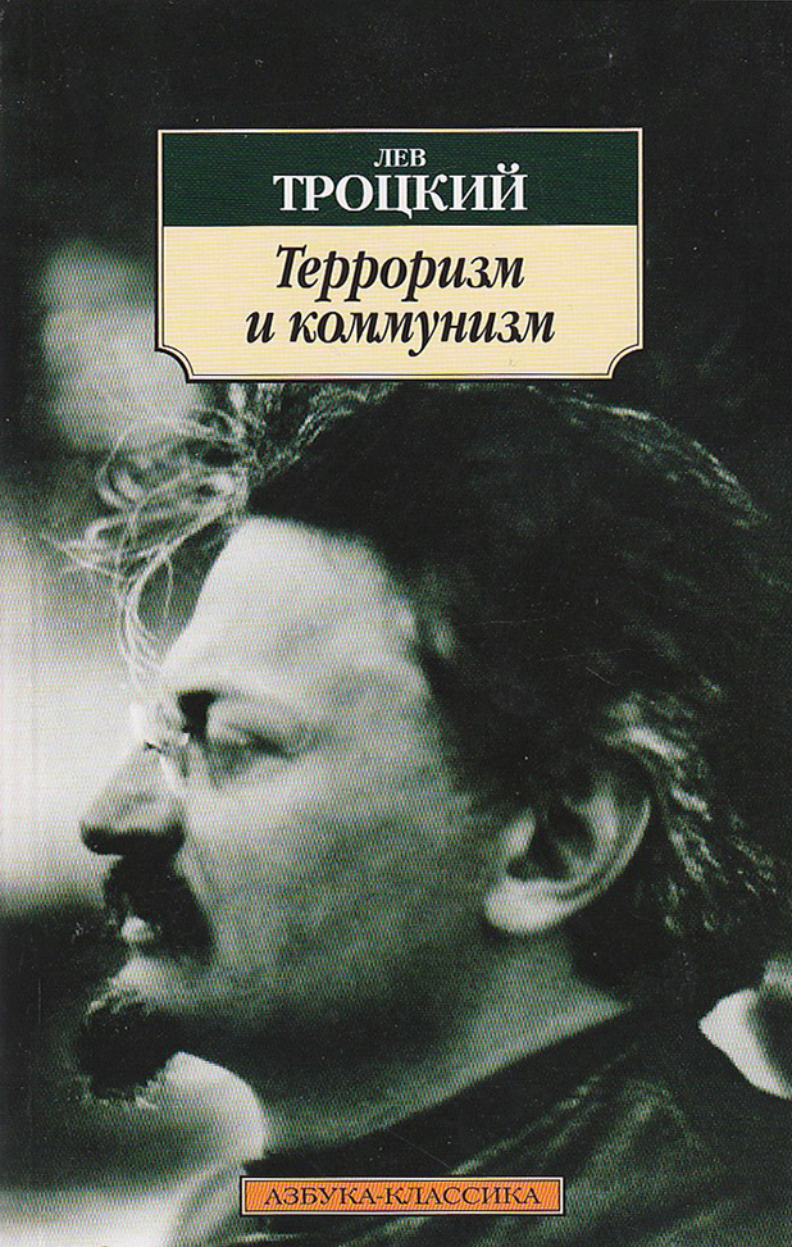


A black and white portrait of Leonid Brezhnev, shown from the chest up in profile, facing left. He has dark, wavy hair and a mustache. The background is dark and out of focus.

ЛЕВ
ТРОЦКИЙ

*Терроризм
и коммунизм*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Leon
TROTSKY
1879 – 1940

Лев
ТРОЦКИЙ

*Терроризм
и коммунизм*



Санкт-Петербург
Издательская Группа
«Азбука-классика»
2010

УДК 947
ББК 63.3(2)6
Т 76

Оформление обложки Валерия Гореликова

Троцкий Л.

Т 76 **Терроризм и коммунизм. — СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. — 224 с.
ISBN 978-5-9985-0851-6**

О Льве Давидовиче Троцком — человеке, который в день октябрьского переворота (еще до выхода Ленина из подполья) практически взял власть в свои руки, — написаны тысячи книг, истолкованы его шаги и поступки, речи и статьи. Деятельность одного из создателей Коминтерна, лидера мирового революционного движения исследована буквально по дням. Он стал героем фильмов и романов. Тем интереснее взглянуть в его собственные теоретические работы. Вниманию читателя предлагается книга Троцкого «Терроризм и коммунизм», написанная в 1920 году, где автор исследует проблему террора на материале различных периодов истории человечества.

УДК 947
ББК 63.3(2)6

© Ю. Колкер, статья, 2010
© В. Пожидаев, оформление серии, 1996
© Издательская Группа «Азбука-классика», 2010

ISBN 978-5-9985-0851-6

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ГЕНИЯ

Двадцатый век немыслим без имени Троцкого совершенно так же, как XVII век — без имени Петра I. Сын зажиточного крестьянина с украинского хутора Яновка стал одной из эмблем столетия тоталитаризма, эпохи идеологий, эры неслыханного умственного и нравственного порабощения человека. Жестокий вождь и трагический герой, демагог и идеалист в одном лице, Троцкий, как застарелая рана, все еще напоминает о себе, все еще ноет к плохой погоде. Свидетельство тому — мировое троцкистское движение, пусть маргинальное, но по сей день тлеющее и не желающее умирать. В одном только Лондоне на рубеже третьего тысячелетия насчитывалось целых шестнадцать троцкистских партий. Невозможно поверить, что все они всерьез грезят о диктатуре пролетариата и мировой революции. Личность вождя — вот что является ключевым моментом движения. Страстный, самоотверженный борец за кривду, имевшую неотразимо-пленительное обличье последней сияющей правды, — в этом, согласимся, есть нечто, останавливающее мысль. И какая захватывающая судьба! Победоносный стратег, выигравший безнадежную войну, — и неприкаянный изгнанник, не находящий себе места под солнцем, пугало левых правительств Европы, скиталец, знающий, что по пятам идут убийцы-фанатики. Апостол нового мира, переживший крушение своей истинной веры — и не заметивший этого крушения...

В сущности, загадочного в Троцком не больше, чем в других сложных и противоречивых фигурах прошлого и настоящего. Белых пятен в его биографии

почти нет. О нем написано множество книг, каждый его шаг истолкован. Пожалуй, лишь одно остается непонятным: почему, обладая всеми правами и безусловным преимуществом, он практически без борьбы уступил Сталину освободившийся после смерти Ленина пост вождя. Чуть-чуть загадочно и происхождение псевдонима, ставшего фамилией. По-немецки *der Trotz* — вызов, неповиновение, и как раз с вызова отцу начинается революционная деятельность юного Льва Бронштейна: он не мог видеть, как отец заставляет батрачку ждать, словно подаяния, заработанных ею денег. Но не менее убедительная и другая легенда — о том, что молодому революционеру, угодившему в одесскую тюрьму, крепко запомнился надзиратель тюрьмы по фамилии Троцкий.

Разумеется, интерес к Троцкому подогревается еще и национальным вопросом. В наши дни два национализма, русский и еврейский, энергично пытаются всучить Троцкого один другому — и оба не могут преуспеть в этом. Русский национализм в тупике, потому что Троцкий вышел не из Бунда, а из русского рабочего движения, из самых недр *русской* революции, родным языком считал русский, родиной — Россию, детей (Седовых) воспитывал как русских, сионизм обличал не хуже советской черной сотни — и даже самое существование еврейского народа согласился, скрепя сердце, признать только после прихода к власти нацистов в Германии. Троцкий собирался осчастливить все человечество — и только к нему, к человечеству в целом, себя и относил, — на деле же оказался готовой исторической иллюстрацией к известному афоризму Сталина: «Великий человек принадлежит тому народу, которому служит». От еврейства Троцкий отрекся демонстративно и публично, сказав еврейской делегации в Кремле: «Я не еврей, я интернационалист». (Новейшие изыскания, согласно которым Троцкий — прямой потомок Пушкина без малейшей примеси еврейской крови, отстраняем как спекулятивный вздор.)

Но и еврейский национализм тоже в тупике. Русским Троцкого не сделаешь, что-то мешает. Верно, что первым народом, пусть из-под палки, но все же провозгласившим интернационализм своей идеологией, были русские. На короткое время слова *русский* и *интернационалист* стали синонимами в глазах левых интеллектуалов Европы. В 1930-е годы в самом сердце России русских людей сажали в тюрьму «за русопятство», за слово *жид*, семантически абсолютно нейтральное: оно ничуть не хуже, ничуть не взрывоопаснее слова *еврей*. Но схема не прижилась, потребовалась диалектическая поправка. Тут опять помог Сталин: объяснил, что «русские — первые среди равных» в семье народов СССР. С 1940-х годов московский интернационализм становится фиговым листком русского шовинизма. Правда, Троцкий до этого не дожил, но тенденции наметились еще при нем. Ни разу в жизни он не назвал себя русским, более того: противореча себе, уклонялся от предложенного Лениным повышения под тем предлогом, что *еврею* не стоит занимать ключевые правительственные посты, — иначе говоря, помнил, что родился евреем. Быть может, он думал, что евреи перестали быть народом как раз в годы его возмужания...

Примерительную, логически приемлемую точку зрения предлагает сионизм. Порицая Троцкого как отщепенца, он готов видеть в нем *русского еврея*, то есть признать, что в деятельности русского революционера и вождя русской революции сказались какие-то черты еврейского характера и даже отразились элементы еврейской культуры. О последней Троцкий, разумеется, лишь смутно слышал из своего русского далека, но слышал как раз потому, что помнил о своем происхождении.

Однако национальный момент в оценке Троцкого совершенно второстепенен. Важно и интересно другое: как умственная игра вызвала к жизни этот протуберанец жертвенного и беззаветного служения крив-

де, как Троцкий и ему подобные «таких могил нагородили, каких не видел человек». Важно взглянуть в этот спектакль, в ходе которого история высмеяла горделивую человеческую мысль, нашу историософию, нашу страсть к исторической режиссуре. И еще: как крохотный логический просчет кабинетного ученого обернулся миллионами жертв и неслыханной жестокостью. Речь — странно вымолвить — идет о формуле це-нообразования в политэкономии...

Нам говорят, что в цену изделия непременно входит стоимость материала и затраченный на изготовление труд. В самом деле, разве можно в этом усомниться? Дерево нужно спилить, металл — выплавить, ткань выткать, а истраченную на это мускульную энергию рабочего компенсировать едой и отдыхом. Но если так, — спросил себя первый на свете социалист, — то справедливо ли, что создатели ценностей живут впроголодь, а бездельники купаются в роскоши? Не ясно ли, с кем правда? Кто — избранный народ, а кто — отбросы человечества? «На баррикады, буржуям нет пощады!»

Этот мыслитель потому проглядел разницу между ценой и себестоимостью, что времена стояли на дворе патриархальные, цена выводилась из стоимости сложением и вычитанием, а богатство народов было риторической фигурой. Что он не сумел предвидеть? Во-первых, что материал может обесцениться полностью, до нуля, и даже стать отрицательной ценностью. Чтобы избавиться, скажем, от старого дивана (отвезти его на свалку), вы должны затратить труд, время и деньги; но старый холодильник на свалку не отвезешь, в развитых странах это запрещено, — чтобы избавиться от него, приходится платить почти половину стоимости нового. Во-вторых и в-главных, человек может трудиться в поте лица своего — и не создавать ничего полезного, более того: создавать нечто безусловно вредное для него и всех других людей. Не только человеческая, любая жизнь — избыточна: это ха-

рактнейшая особенность всего живого. Не всякая деятельность вознаграждается, какая-то пропадает втуне. Вознаграждается другое. Какая-нибудь гениальная догадка, в том числе и случайная, может в одночасье сделать человека богачом и осчастливить миллионы людей, в частности освободить их от тяжелого физического труда. Творческая мысль — вот что забыто в формуле ценообразования. И не просто забыто, а в принципе не может быть в ней учтено. Мысль, вдохновение, талант, удача, спрос, мода — да мало ли еще что из вещей существенно нематериальных, — вот главное в ценообразовании. Оказалось, что там, где нет голодных, физический труд сам по себе, без этих пустячков, не стоит *ничего*. А если сегодняшние разработки физиков (по управляемой термоядерной реакции) увенчаются успехом, он вообще отойдет в прошлое.

Разумеется, сто лет назад нельзя было и вообразить, что многомиллионную армию голодных и обездоленных пролетариев так быстро сменит и вытеснит армия белых воротничков. Даже не творческая мысль, а расхожее знание, едва причесанная информация, — вот основной продукт и товар нашего времени, который ценится выше мускульных усилий. Народная мудрость высмеивает «перенос порток с гвозда на гвоздок», но именно за это, за простые манипуляции со сведениями, за перераспределение информации, мы сегодня платим больше, чем за хлеб насущный.

Невозможно отрицать, что Троцкий был наблюдательным и думающим человеком. За границей он оказался в 1929 году — в самый год начала Великой депрессии. Пролетариат еще оставался реальностью — и какой! Безработные тысячами стояли в очередях за тарелкой супа по обе стороны Атлантики. Но перерождение общества под влиянием науки уже угадывалось. Незаметное обывателю, оно должно было попасть в поле зрения мыслителя. Что пролетариат может уйти и вскоре уйдет с исторической сцены — эта

мысль даже не посещает Троцкого. Марксистская догма полностью застилает ему взор.

(Заметим мимоходом, что овеществленный труд в формуле ценообразования — ошибка не Маркса, а... Адама Смита. Мы давно не перечитывали автора *Богатства народов*. За нас это сделал американец Мёрри Ротбард. В своем капитальном труде¹ он показал, что именно хваленый провозвестник свободного предпринимательства был тем кабинетным ученым, к которому — через эту злосчастную формулу — восходит научный социализм, а значит, косвенно, и большевизм с ГУЛАГом, и *национал-социализм* с Освенцимом.)

Вторая ошибка Троцкого — второй пример его слепоты — непонимание природы созданного им и Лениным государства. Он не увидел, как на другой день после революции правое стало левым, а левое правым, не заметил исчезновения свобод — и исчезновения самого народа, не то что гипотетического сознательного пролетариата. За считанные месяцы до своего убийства, в апреле 1940 года, Троцкий пишет из Мексики открытое *Письмо советским рабочим* (!) — с призывами: «Долой Каина Сталина и его камарилью! Долой хищную бюрократию! Да здравствует мировая социалистическая революция!» Не правда ли, дух захватывает? В сороковом году — когда в СССР сажали за обмолвку, за опечатку, за опоздание на работу...

Что же осталось от этого поразительного человека — и осталось ли что-либо? Конечно, тотчас напрашивается вывод, что остался урок: не обожествляй человеческую мысль, не сотвори себе кумира, — урок, кстати, вполне библейский. Самое стройное творение нашего разума хоть в чем-нибудь да неполно, поддается улучшению и уточнению, нуждается в пере-

¹ *Murray N. Rothbard. An Austrian perspective on the history of economic thought, v. 1: Economic thought before Adam Smith, v. 2: Classical economics. Edward Elgar Publishing. 1995.*

смотре. Уточнением управляет культурная *эволюция*, а ее русло образуется традицией. У процесса уточнения нет и не может быть конца, ибо совершенство недостижимо. Оно — умственная фигура, эволюционный рычаг вида *homo sapiens*, побуждающий нас действовать, дразнящий видением следующей, более высокой — сверхчеловеческой — ступени бытия. (Ту же догадку можно сформулировать и в религиозных терминах.) Но на теперешней *биологической* ступени человеческое общество не может избавиться от конфликтов, горя и несправедливостей. Единственно правильного учения нет.

Второй урок: не торопи будущего — и не решай завтрашних проблем сегодня. Именно идея светлого будущего порождает кошмарное настоящее. Прилагая этот урок к нашим дням, можно допустить, что наибольшую опасность для человечества представляют сегодня даже не фундаменталисты (они, слава богу, смотрят в прошлое), а радетели чистоты окружающей среды, «зеленые», во главе *Greenpeace*-ом и защитниками животных. Именно они — сегодняшние футуристы в прямом смысле этого страшного слова. Подобно социалистам былых идиллических времен, они спекулируют на нашем прекраснодушии, на идее, по видимости самой благородной, простой и обращенной к сердцу каждого, на деле же — бесчеловечной. Те спрашивали: разве не следует облегчить жизнь труженику, который нас кормит? Эти спрашивают: разве не следует сохранить природу для наших внуков? Кто тут возразит, кто не расчувствуется! Но, во-первых, недобросовестно превращать борьбу за светлое будущее в профессию и статью дохода, во-вторых, будущее лучше оставить тем, кто *будет*. Общество постоянно перерождается. У наших внуков окажутся средства, которые нам и не снились. Будут у них и непостижимые для нас проблемы. Что бы сказали Троцкий и другие защитники трудящихся, узнав, что самая шумная баррикада конца нашего (и их!) столетия будет

разделять не богатых и бедных, а гомосексуалистов и гетеросексуалистов?

Осталась, конечно, и знаменитая формула Ленина «иудушка Троцкий», в сущности, решившая судьбу Троцкого. Про Иудушку Головлева и роман Щедрина рабочие и крестьяне не слышали, но намек поняли сразу — и этим немедленно вскрыли сущность нового режима, его страшную народность, — ведь и Сталин признавал, что «антисемитизм — международный язык фашизма». Ни одна из мыслей Троцкого, ни одно из его дел не показали такой живучести, как этот образчик находчивости Ленина. Советской России нет, а *иудушка* — тут как тут...

Осталась легенда о поразительном ораторе, способном заморозить толпу, а скопище дезертиров превратить в боеспособную армию. Еще — осталась память о паническом страхе, который внушало имя Троцкого в сталинские годы. Лучший пример — эпизод с переименованием центрального универмага в Ленинграде. В проекте он назывался ЛДТ, Ленинградский дом торговли, но был спешно, чуть ли не за день до открытия, переименован в ДЛТ, в нелепый Дом ленинградской торговли, потому что в сокращении кому-то почудился акроним страшного имени Льва Давидовича Троцкого... Еще остался — ернический плод интеллигентского черного юмора, шуточка: «Жора, поддержи мой ледоруб...» И все.

Но нет, пожалуй, есть и еще кое-что.

«На Принкипо хорошо работать с пером в руках, особенно осенью и зимою, когда остров совсем пустеет и в парке появляются вальдшнепы. Здесь нет не только театров, но и кинематографов. Езда на автомобиле запрещена. Много ли таких мест на свете? У нас в доме нет телефона. Ослиный крик успокоительно действует на нервы. Что Принкипо есть остров, этого нельзя забыть ни на минуту, ибо море под

окном, и от моря нельзя скрыться ни в одной точке острова. В десяти метрах от каменного забора мы ловим рыбу, в пятидесяти метрах — омаров. Целыми неделями море спокойно, как озеро...»

Это не Паустовский, это Троцкий: дневниковая запись, сделанная 15 июля 1933 года, за два дня до отъезда из Турции во Францию.

«Не надо, однако, думать, что мы ограничивались сетями. Нет, мы прибегали ко всем приемам ловли, которые обещали добычу. На крючки мы ловили больших рыб, до 10 кило весу. Когда я тянул из воды невидимого зверя, который то покорно следовал, то неистово упирался, Хараламбос глядел на меня, не спуская глаз, в которых не оставалось и оттенка почтительности: не без основания опасался он, что я дам драгоценной добыче сорваться... При каждом моем неловком движении он рычал на меня свирепо и угрожающе. Когда рыба становилась наконец видна в прекрасной своею прозрачностью воде, Хараламбос шептал мне предостерегающе: „Буюк, мусье“ (большой). На что я отвечал, задыхаясь: „Буюк, Хараламбос“. У борта лодки мы подхватывали добычу небольшой сеткою. И вот уже великолепное чудовище, отливающее всеми красками радуги, потрясает лодку ударами сопротивления и отчаяния. На радости мы съедали по апельсину, и на языке, которого никто не понимает, кроме нас, и который мы сами понимаем только наполовину, мы делимся пережитыми впечатлениями...»

Чем не Хемингуэй?.. Описания острова Принкипо в Мраморном море, где турецкое правительство разрешило Троцкому поселиться после его высылки из СССР, — чудесный по языку и картинам очерк, живой человеческий документ, в контексте русской культуры ничуть не устаревший за истекшие десятилетия. Сравнивая его с политическими записями Троцкого той поры, мы чувствуем оторопь. Они — как из по-

тустороннего мира. Кто такие все эти Радзутаки, Межлауки, Чубари, Фландены, Ракоши, Кашен-Блюмы, Болдвины, чьи слова и поступки Троцкий глубокомысленно разбирает в своем дневнике? Не стоит и память напрягать. Их — как не было. Но Троцкий был. Помимо большой кривды, казавшейся ослепительной правдой; помимо ошибок и уроков; помимо легенды, он оставил еще несколько таких вот поэтических дневниковых записей, хранящих дух эпохи и портрет стареющего, печального, одинокого человека, продолжающего упорно сражаться с теньями.

Из древней тьмы на мировом погосте
Звучат лишь письма...

Добавим еще один штрих к биографии этого эссеиста. Троцкого угораздило родиться... 7-го ноября. В самый день переворота, еще до выхода Ленина из подполья, он фактически взял власть в Петрограде в свои руки (так что штурм Зимнего практически не требовался), — а вот о своем дне рождения не вспомнил. Не вспомнил и в последующие годы: не до того было. Заметил он это совпадение только тогда, когда революция начала кристаллизоваться в бюрократию, а день переворота стали отмечать демонстрациями. Заметили и другие — и испугались. В утопической стране, стране лозунгов и символов, этот пустяк мог разрастись до масштаба политического рычага в борьбе за власть. «День седьмого ноября — троцкий день календаря!» Понятно, что Сталину необходимо было разделиться с Троцким во что бы то ни стало.

Юрий Колкер

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Соотношение сил	13
Глава 2. Диктатура пролетариата	22
Глава 3. Демократия	31
Глава 4. Терроризм	54
Глава 5. Парижская коммуна и Советская Россия ...	77
Глава 6. Маркс и... Каутский	102
Глава 7. Рабочий класс и его советская политика ...	109
Глава 8. Вопросы организации труда	142
Глава 9. Карл Каутский, его школа и его книга	197
Вместо послесловия	209
Что осталось от гения. <i>Юрий Колкер</i>	213

О Льве Давидовиче Троцком — человеке, который в день октябрьского переворота (еще до выхода Ленина из подполья) практически взял власть в свои руки, — написаны тысячи книг, истолкованы его шаги и поступки, речи и статьи. Деятельность одного из создателей Коминтерна, лидера мирового революционного движения исследована буквально по дням. Он стал героем фильмов и романов. Тем интереснее взглянуть в его собственные теоретические работы. Вниманию читателя предлагается книга Троцкого «Терроризм и коммунизм», написанная в 1920 году, где автор исследует проблему террора на материале различных периодов истории человечества.



Лев
ТРОЦКИЙ
1879 – 1940



ISBN 978-5-9985-0851-6

01



9 785998 508516



www.azbooka.ru